

В. Сарабьянов

**Исторический
материализм**

Популярные очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В. Сарабьянов**
Исторический материализм: Популярные очерки / В. Сарабьянов – М.: Книга
по Требованию, 2018. – 134 с.

ISBN 978-5-458-24476-3

ISBN 978-5-458-24476-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ.

У современной революционной молодежи тяга к книге и особенно к книге по диалектическому материализму необычайно велика. Читают все, что подвернется под руку. В виду наличия в нашей марксистской литературе по этому вопросу элемента полемики, вызванного необходимостью не обороняться, а нападать, главным образом, на нелепости идеализма и метафизики, ни у Маркса с Энгельсом, имевшими дело с влиятельными в их время Штирнерами, Бауэрами, Дюрингами, Прудонами, ни у Плеханова, вынужденного отвоевывать революционную часть мыслящего общества у Лаврова, Михайловского, Кривенко, господствовавших тогда, у Богданова, Базарова и прочих, буйно прорвавших брешь в марксистском мировоззрении российских социал-демократов, они не могли дать, не имели времени, педагогически приемлемых трудов по диалектическому материализму, а в форме изложения для непосвященного читателя резко проявлялась кажущаяся противоречивость (у Маркса—базис общества это техника с экономикой, у Энгельса—производство и воспроизводство действительной жизни, у Плеханова—то техника, то техника с экономикой; у Плеханова же: отрицание факторов и признание их, в вопросе, какие факторы важнее, в одном месте указание на метафизичность такой постановки вопроса, в другом,—упрек противнику, что так вопрос им не поставлен и т. д.).

Современный читатель ищет учебника и не прочь сосредоточить львиную долю внимания на книге, похожей на учебник, не будучи в то же время достаточно подготовленным, чтобы критически отнестись к авторам, далеко не классикам, далеко не первоклассным.

Вот почему я считаю необходимым в предисловии ко 2-му изданию своих „Очерков...“ предостеречь гг. читателей и

указать им, что диалектический материализм необходимо изучать по Марксу, Энгельсу, Плеханову и Ленину.

Пусть их формулировки не всегда ясны, за то они всегда бьют по главному, по основному и бьют, я бы сказал это в отношении всех четверых, гениально. Именно гениально, а не просто талантливо и еще как-нибудь.

И что особенно важно, это их изумительная способность применять метод.

Здесь я бы выделил Маркса и Ленина, исторические работы которых являются буквально непревзойденными и в малой мере никем из теоретиков последнего столетия.

Изучать Ленина по его статьям и книгам особенно полезно и относительно легко, так как его деятельность протекает на наших глазах, его эпоха является и нашей, в которой мы—активные участники.

В отношении своих „Очерков...“ должен сказать, что я их значительно изменил и исправил, так как, во-первых, и них и мною самим и моими молодыми (старшие пока еще не отозвались) товарищами было найдено много неточностей и определенных неверностей, объясняемых первым делом сильной моей загруженностью текущей советской и партийной работой, и, во-вторых, мои „Очерки...“ к моему ужасу фактически превратились в нечто вроде учебника: ведь наш читатель еще не научился разбираться в словах „Очерки...“, „Учебник“ и т. п. Пришлось, повольку успев, вставить две главки („Плюрализм и монизм“, „В конечном счете“), расширить главку о материализме и идеализме, а также и главу о диалектике. По требованию товарищей остановился чуть подробно на Спинозе, о котором так мало находит в нашей литературе молодой и заранее расположенный к Спинозе читатель.

Хотелось бы многого и детально коснуться, но... в сутках только 24 часа, а практической работы так много.

Должен также предупредить читателя и относительно вопроса о взаимодействии.

Господствовавшие в нашей литературе до сего времени формулировки характера взаимодействия базиса и надстроек не удовлетворяли ни меня, ни очень большую часть аудитории, с которой мне приходилось работать..

Поскольку я иду в разрешении этого вопроса от формулы „количество—качество“, постольку я выступаю только за свой страх.

Я надеюсь, что читатель не посетует на меня за мою смелость пытаться уточнять наш марксистский метод, тем более, что я не зову назад ни к Канту, ни к Беркли (через Маха), а исхожу из положения, развитого Гегелем, о материализованного и использованного Марксом—Энгельсом, а Плехановым блестяще популяризованного и примененного в изучении бытия и сознания.

В письме Энгельса от 21/IX 1890 г. и во многих местах у Плеханова, на мой взгляд, имеются достаточно отчетливые разрешения вопроса о взаимодействии в духе „количество - качественной“ формулы, но им не придана точность формулировки.

Этот вопрос должен быть проверен на практике, и пока свое разрешение я ни капельки не склонен расценивать иначе, как рабочую гипотезу.

Второе издание получилось менее популярным. Но всему бывает предел. Таковой мне в отношении популярного изложения положили Фихте, Шеллинг и Гегель. Наступит время, когда мы выработаем в себе способность популярно излагать даже и таких философов. А пока надо мириться с нашим „классическим“ недостатком.

А в т о р.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.

1.

Общественные науки изучают массовые явления.

История классовых обществ есть история классовой борьбы. Сила класса определяется не только его численностью, организованностью и чисто материальной, мы бы сказали, — физической силой, но и степенью его сознательности. Пролетариат Англии чрезвычайно велик, организации его — могущественны, но по сознательности своей он ниже российского и германского пролетариата. Под сознательностью мы в данном случае понимаем не общее развитие, не грамотность, а сознание своего классового положения, ясное представление о своих классовых врагах, полу-друзьях, полу-врагах, о своих классовых задачах и методах борьбы.

В классовом обществе жизнь не идет по пути, указанному одним каким-либо классом, а направляется дорогой, в той или иной степени нежелательной ни одному классу.

Если какой-либо класс действует со знанием дела, если он более организован, чем другие, если он с большим эффектом прилагает свою силу, если он, наконец, в большей степени изучил силу и навыки своих классовых врагов, — он в своей борьбе достигнет большего, чем при меньшей организованности, при меньшем знании поля борьбы и ее условий.

Отсюда—такой вывод. Свою программу и тактику каждый класс должен строить на изучении классовых и вообще общественных отношений.

Каждый класс должен знать историю враждебных ему классов и свою собственную.

Тот класс, как например, мелкая буржуазия, в лице ее партий, который беспечно относится к теории, никогда не использует полностью своих сил.

Буржуазия крупная только потому и могла пережить для нее трудный послевоенный период, что она, накопив и обработав громадный общественный опыт, применила его в политической борьбе с большим умением.

Рабочий класс нуждается в знании общества и способов борьбы больше, чем какой-либо другой класс, так как своих

противником он имеет могущественную, поседевшую в классовых боях буржуазию, мелкая же буржуазия в странах развитого капитализма в решительные боевые моменты скорее оказывается по ту сторону баррикад, нежели по эту.

Пролетариат должен изучать общество, частью которого является он сам, другой частью — его враги и колеблющиеся классы.

Но что значит—изучать общество, изучать историю?

Всякая наука, весь сложный мир, подлежащий изучению, старается разложить на основные элементы (части) и все разделить по этим основным элементам. Каждую корову, какой бы масти она ни была, сколько бы молока она ни давала, как бы рога ее ни были изогнуты, в определенных случаях наука зачислит по ведомству коров, если ей интересно сопоставить корову, например, с лошадью или ослом.

Если наука хочет определить овцу, как шерстеносное животное или как убойное, она разделит их на две категории, и в одну будет относить всех овец, ценных для шерстедобывания, а в другую—по их упитанности, причем ценных для убоя овец наука будет причислить к группе убойных без различия их роста, окраски, норова и т. п.

Когда мы изучаем общественные явления, мы—общественники—берем массовые явления, а не единичные, не исключительные. Это знать особенно важно, так как многие из молодежи, занимающиеся историческим материализмом, бесплодно бьются над вопросом, почему, например, из больших писателей „мрачной ночи“ самый мрачный именно Достоевский, а не кто-нибудь другой. Общественник не может отвечать на такие вопросы, так как не дело общественных наук заниматься изучением единичных или исключительных, или нетипичных явлений.

Нас могут, например, спросить и мы дадим требуемый ответ, почему среди рабочих встречаются штрейкбрехеры, так как это явление, часто встречающееся, носящее характер массового, повторяемого; но вот на вопрос, почему именно рабочий Черныльников или Карандашин сделался штрейкбрехером,—на него мы, общественники, отвечать не станем, так как в лице Черныльникова мы видим единичное явление и о штрейкбрехерстве вообще судить по нему мы, конечно, не имеем права.

Поскольку нас интересуют массовые явления, мы изучаем Пушкина не во всех деталях, а только в том типичном характерном для целого литературного, общественного течения, что мы находим и в других писателях его времени (Лермонтов, Кольцов, Крылов и др.). Сказать же, почему Пушкин выдвинулся из ряда этих писателей, почему именно он, а не Лер-

монтов, не Кольцов,—об этом мы, как общественники, даже и говорить не станем.

Изучать Пушкина во всех деталях, а не в одном типичном, могут специалисты-исследователи. Это их дело, а не наше.

Мы, например, высоко ценим и любим своих великих учителей Маркса и Энгельса. Но что мы изучаем у них? Политико-экономические, исторические, философские труды, то-есть все то, что вошло в историю под названием „марксизм“ и сторонником чего является целый класс в лице его самых сознательных элементов. Мы изучаем „Коммунистический манифест“, в котором был обоснован лозунг рабочего класса: „Пролетария всех стран, соединяйтесь!“.

Мы работаем над „Капиталом“ Маркса или „Анти-Дюрингом“ Энгельса, в которых подвергнут анализу (глубокому изучению) капиталистический строй и научно изложено мировоззрение пролетариата. Но многие ли из нас стали бы изучать стихотворения Маркса или записи силы и направления ветров, которые делал Энгельс во время поездки по Атлантическому океану? И нашей ли задачей является выяснение вопроса, кто из них более гениален—Маркс или Энгельс, и почему Маркс любил до мелочей исследовать вопрос, Энгельс же, наоборот, предпочитал давать широкие картины, рисовать их большими мазками, а не разрисовывать во всех подробностях! Этим делом будут заниматься не общественники, а, повторяем, специалисты-исследователи, которых заинтересуют Маркс и Энгельс не только как общественные деятели и ученые, положившие начало крупному научному течению, но и как исключительные не повторяющиеся явления.

Общественники изучают типичное, почему Горький, желая изобразить в своей повести „Мать“, быт рабочих и выхватил кусок из жизни рабочих-металлистов, профессии наиболее типичной для пролетариата, к тому же — на Сормовском заводе, опять-таки, типичном для крупной промышленности.

Сознательно или бессознательно так вышло у Горького, но, во всяком случае, эта повесть вошла в историю и надолго останется предметом изучения историков именно в силу этих обстоятельств.

Мы изучаем Пушкиных, а не Пушкина, марксизм, а не Маркса. Если же читатель сошлется на наши книги, учебные программы, где черным по белому написано: „читай Маркса“, а в области художественного слова: „читай Пушкина“,—мы скажем, что в Пушкине или в Марксе мы сами изучаем и другим советуем именно то, что явилось ядром массового течения, именуемого марксизмом или русской литературой первой трети прошлого века.

Почему во главе нашего советского государства стоит много рабочих? На это мы ответим.

Но почему (из массы рабочих выдвинулись тт. Калинин или Сапронов?)—не наше это дело отвечать на такие вопросы.

Итак, общественные науки заняты изучением массовых явлений, а не единичных,—типичных явлений, а не из ряда вон выдающихся.

На такое утверждение обычно следует указание, что Маркс говорил о коммунистическом строе, зачатки которого едва можно было заметить в капиталистическом обществе, а потому не носящие характера массового явления.

Такое указание заставит нас сделать существенное дополнение к данному нами определению. Мы поясним, что под массовым следует понимать не только то явление, которое в данный момент является массовым, но и те, которые в развитии своем должны превратиться в таковые.

2.

Чем является исторический материализм.

Наука—исторический материализм, или—не наука?

Такой вопрос сильно интересует нашу мыслящую молодежь. И если исторический материализм наука, то какую область общественной жизни она изучает?

Мы знаем, что общественные отношения людей в сфере производства и обмена изучает политическая экономия, что историки (в узком смысле этого слова) исследуют историю политических отношений, что историки литературы работают над памятниками художественного слова, что этика охватывает отношения людей на почве нравственности, и так далее.

У каждой из этих наук имеется определенная область общественной жизни. Что же остается на долю исторического материализма? С другой же стороны, товарищи, почитавшие Плеханова, Каутского, Покровского или других авторов по этой науке, знают, что исторический материализм вторгается во все области общественной жизни и как бы пытается конкурировать и с политической экономией, и с историей, и с наукой права и государства, и с этикой и с другими общественными науками.

Создается впечатление чего-то всеобъемлющего, как говорят,—универсального, и в то же время поверхностного.

На самом же деле исторический материализм не исследует специально никакой области общественной жизни. Он является наукой, работающей над отделкой метода, который можно было бы прилагать в изучении каждой сферы общественной жизни. Исторический материализм яв-